Для цитирования: Борисов С. В. «Детские вопросы» и «взрослые ответы»: экзистенциальный психоанализ (размышление по поводу книги: Эпштейн М. Н. Детские вопросы: диалоги. М. : ArsisBooks, 2020. 176 с.) // Социум и власть. 2020. № 3 (83). С. 85—90. DOI: 10.22394/1996-0522-2020-3-85-90.

DOI: 10.22394/1996-0522-2020-3-85-90

УДК 1(091) + 101.1 + 101.9

«ДЕТСКИЕ ВОПРОСЫ» И «ВЗРОСЛЫЕ ОТВЕТЫ»: ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ ПСИХОАНАЛИЗ (размышление по поводу книги: Эпштейн М. Н. Детские вопросы: диалоги. М. : ArsisBooks, 2020. 176 с.)[1]

Борисов Сергей Валентинович,
Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, Южно-Уральский государственный университет (Национальный исследовательский университет),
доктор философских наук, профессор.
Российская Федерация, 454080,
г. Челябинск, пр-т Ленина, 69.
E-mail: borisovsv69@mail.ru

Аннотация
Статья представляет собой философские размышления автора, вызванные книгой М. Н. Эпштейна «Детские вопросы: диалоги» (М., 2020). В книге представлено более 300 детских вопросов, охватывающих самые разные грани бытия: от мироздания в целом до психологических, нравственных, социальных, эстетических проблем. Замысел книги — вовлечь детей и взрослых в общий разговор о самых важных явлениях мироздания. Автор статьи вплетает материал книги в канву экзистенциального постижения истины.

Ключевые понятия:
философия,
философствование,
экзистенциализм,
общение,
понимание,
диалог.

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический институт им. М. Е. Евсевьева в рамках темы «Проблема субъектности в условиях современного общества и общества будущего: теоретические основания и проективные модели» (договор № 16-272 от 01.06.2020 г.).

Вопрос: Кто я? (мальчик, 12 лет)
Ответ: Это тебе самому предстоит решать. Для этого дается долгая жизнь, и отвечать придется со всеми подробностями.

М. Эпштейн

Рецензируемая книга известного филолога, философа, культуролога и эссеиста Михаила Эпштейна возникла благодаря телепередаче «Детские недетские вопросы», которую ведет израильский художник и журналист Дмитрий Брикман. Он приглашает в свою студию людей, как правило, творческих профессий и задает им наивные детские вопросы, которые поначалу сбивают с толку, а потом наводят на самые неожиданные размышления. Автор книги тоже оказался участником данных встреч и, вдохновленный часовой беседой, получил от ведущего все 700 «детских вопросов», которые накопились за время передач. Отобрав из них примерно половину, дополнив их вопросами из книги М. Дымова «Дети пишут Богу» (Рига : Вайделоте, 1997), разбив их по темам, автор дал на каждый из этих вопросов свой «взрослый» ответ. Таким образом, в книге представлено более 300 детских вопросов, охватывающих самые разные грани бытия: от мироздания в целом до психологических, нравственных, социальных, эстетических проблем. Замысел книги — вовлечь детей и взрослых в общий разговор о самых важных явлениях мироздания. «Конечно, — пишет автор, — многие вопросы допускают самые разные толкования, а некоторые и вообще относятся к разряду вечных и неразрешимых. Но мне думается, что, если какие-то вопросы возникли в сознании ребенка, на них лучше отвечать, пусть неполно и даже неточно, хотя бы только для того, чтобы вызвать несогласие, пробудить встречную мысль, обозначить тему возможного диалога...» [5, с. 9].

В этом мне видится главное проявление философской практики — диалогизм и антидогматизм. Академическая философия до сих пор не может выработать иммунитет к догме, господствующей в ущерб Логосу. Прилежно исполняя роль «служанки» сначала богословия, а потом науки, философия невольно жертвовала своей критической функцией в угоду функции методологической или же идеологической. В философию и философствование стал проникать яд самоуспокоенности, всезнайства, самолюбования и самодостаточности. Сциентизм, давно заразивший философию, превратил ее в «знание ради знания»,

заставил ее пренебрежительно отвернуться от «наивно» философствующего субъекта. Особенно глубоко эта болезнь проникла в философию «школьную». Преподавание философии стало напоминать некий загадочный ритуал, лишенный какой-либо связи с тем, что происходит в реальной жизни людей, которые участвуют в этом ритуале. В этих условиях насущной проблемой стало возвращение к «истокам» философствования, как их определял и характеризовал К. Ясперс: удивлению, сомнению, рефлексии по поводу «пограничных ситуаций» [6, с. 230]. Только в момент этого «вновь-возвращения» философия становится для человека действительно актуальным, жизненно важным делом, только тогда человек начинает понимать, что без философствования нет и его самого. Каждый человек — философ, но проблема в том, что он не знает и не ценит этого, потому что зачастую за философию принимает тот «школьный» суррогат, которым его потчевали в годы юности.

Нужно освободить философствование от догматизма. Для этого нужно сделать философию максимально открытой, а типологию философствования максимально разнообразной. Только тогда в ней найдется место, например, для... *наивного философствования*. Я считаю, что это на первый взгляд странное понятие лучше всего обозначает ту специфическую форму философствования, которая связана с осмыслением экзистенциальных вопросов-состояний человека в мире, т. е. всего того, что непосредственно происходит с ним лично. Возможно ли в таком случае «наивное философствование» как дискурс? Конечно. Это тот спонтанный процесс мыслительной деятельности, основанный на обыденно-практическом знании, в который погружен каждый человек. Просто не всегда человек способен занять рефлексивную позицию по отношению к этому процессу или воспользоваться им с целью самопознания. Ведь именно здесь и коренится философствование. Понятно, что это не есть философствование в его «школьном» значении.

Книга М. Эпштейна — замечательный ответ всем скептикам. Хотя, как заметил М. Хайдеггер, скептика нельзя опровергнуть, как и нельзя «доказать» существование истины. Скептик уже своей скептической позицией «всезнайства» и отстраненности отрицает онтологическую истину, т. е. воспринимает истину исключительно гносеологически. Поэтому тут и опровергать нечего, если разговор ведется на разных философских языках. Находясь в своем «языковом коконе», скептик, по словам М. Хайдеггера, «гасит в отчаянности самоубийства присутствие, а вместе с ним истину» [4, с. 229]. Экзистенциальная (онтологическая) истина не нуждается в доказательстве, она просто есть, она присутствует. А если ты присутствуешь, то ты не можешь усомниться в этом присутствии (сомневаться могут другие, но ты-то для себя не другой, ты «свой собственный»), тебе и не нужно ничего доказывать. Просто принимай меня, какой я есть, или не принимай, если тебе так хочется, но ты не можешь меня игнорировать. Любой спор или «доказательство» это уже игнорирование моего присутствия, моего свидетельства (истины) о бытии. Поэтому как нет «вечных истин», которые можно доказать, так и нет «настоящих скептиков», которые якобы в состоянии опровергать истины.

Здесь и далее по тексту статьи я позволю себе приводить небольшие цитаты из рецензируемой книги, чтобы читатель оценил неповторимый стиль диалога ребенка и взрослого в процессе совместного философствования.

«Вопрос: Когда сказку читают — она правда? (девочка, 8 лет)

Ответ: В твоем сердце она становится правдой, а было ли так на самом деле, уже не имеет значения» [5, с. 76].

Обращение к детству не случайно, ведь именно там источник утраченной наивности. Детские вопросы о мире и о себе рождаются спонтанно как моменты мышления-присутствия, «разомкнутости бытия», когда обнаруживается экзистенциальная истина. По словам М Хайдеггера, «разомкнутость есть сущностный способ бытия присутствия, а истина “имеется” лишь поскольку и пока есть присутствие» [4, с. 230]. Я, подобно любопытному Буратино, протыкаю (размыкаю) сущее (холст с изображением очага) носом своего присутствия. За холстом — таинственная дверь — «страшная тайна» истины, обнаруженная моей экзистенцией здесь и сейчас. У меня еще нет понятия о том, в чем суть этой «страшной тайны», я не знаю, почему эта дверь была сокрыта, но я ее обнаружил, это факт! Так фактом своего обнаружения бытие предстало передо мной в своей несокрытости, теперь мне нужно подобрать к этой таинственной двери «ключики» моих мыслительных операций, пока не найдется тот «золотой ключик», с помощью которого я и совершу «открытие» этой «страшной тайны». Ребенок как мыслитель, вопрошая, подбирает ключи к тайне бытия.

Вопрошание — это пребывание подле несокрытости.

«Вопрос: Почему у родителей нет покоя? (девочка, 9 лет)

Ответ: Тебе хочется все время бегать, прыгать, играть, ну и они делают то же самое, но иначе, не ногами-руками, а сердцем и головой: заботами, тревогами, волнениями» [5, с. 19].

Бытие истины стоит в исходной взаимосвязи с присутствием. Просто дети и взрослые присутствуют по-разному. Ребенок понимает (размыкает) бытие через освоение мира. Взрослый — через присвоение. Однако бытие «имеется» лишь поскольку есть истина, а истина есть присутствие, следовательно, бытие и истина «существуют» равноисходно. Ребенок присутствует непосредственно, ему легче в интеллектуальном плане, но труднее в эмоциональном, потому что истина открывается ему за пределами себя, экзистенциально. Взрослый присутствует опосредовано, ему труднее в интеллектуальном плане, но легче в эмоциональном в силу того, что эмоции подавлены и вытеснены интеллектом, и он присутствует в мире главным образом своими мыслями, заборами, тревогами, т. е. внутри себя.

«Вопрос: А нельзя не рождаться? (девочка, 8 лет)

Ответ: Конечно, можно, нерожденных гораздо больше, чем рожденных. Но если уж родился, делать нечего, обратного хода нет. Полный вперед!» [5, с. 34].

Бытие, согласно П. Тиллиху, «охватывает как само себя, так и небытие» [3, гл. II]. Внутри бытия присутствует и небытие, которое везде обнаруживает свои пустоты, воронки, тупики и «повороты не туда», куда на протяжении всей своей жизни человек проваливается, засасывается, попадает и сворачивает. Небытие требует от человека мужества для своего преодоления. Бытие — это не широкое поле, светлое небо и радужный горизонт, как правило, это весьма загадочное и таинственное место, где много запутанных и извилистых троп, дремучих лесов и странных непонятных знаков. Чтобы идти по этой местности требуется не только мужество (чтобы «выкарабкиваться» из ловушек небытия), необходимо проявлять творчество (чтобы проложить свой собственный путь). Утверждение бытия есть самоутверждение, в этом источник «мужества быть» (П. Тиллих).

«Вопрос: Как мне избежать своей смерти? (мальчик, 14 лет)

Ответ: Самое страшное, когда люди умирают еще при жизни. Живые мертвецы перестают меняться, вбирать в себя новое и сопротивляются любым переменам. Они только повторяют старое, известное. Они как засохшие деревья без листвы. Такое бывает даже с детьми, если они ведут себя как маленькие старички. Самое главное — избежать смерти, пока еще жив» [5, с. 40].

Сущность истины есть свобода (М. Хайдеггер). Свобода может быть основой истины, только если понимать ее как сущность, которая укоренена в бытии. Для ребенка свобода — это естественная и очевидная открытость и доступность мира. Весь мир существует только для меня! Это не эгоизм, это исходная точка Я, другой не бывает. Свобода — это загадочный серебристый единорог, появляющийся на опушке леса бытия, освещенный лунным светом и влекущий за собой, «белесый зверь с глазами, как у лани украденной, и полными тоски» (Р. М. Рильке). Но его невозможно ни приручить, ни оседлать, да и встреча с ним для непосвященных может быть смертельно опасна. Это иллюзия полагать, что человек «обладает» свободой как неким свойством, наоборот, свобода как истина бытия владеет человеком изначально. Это иллюзия считать, что истина — это правильно выстроенная мысль или согласованное предложение «субъекта» об «объекте», нет, истина — это и «открытие» сущего, и «первооткрыватель» сущего в одном лице.

«Вопрос: Почему взрослые бывают такие злые? (девочка, 7 лет)

Ответ: Некоторые так заняты, что нет времени быть добрыми. Для доброты нужно время: посмотреть вокруг, услышать другого, помочь, поделиться. У детей больше свободного времени, поэтому им легче быть добрыми» [5, с. 22].

«Вопрос: Почему тут слишком любят Бога и забывают любить людей? (девочка, 10 лет)

Ответ: Когда Бога любят, а людей — нет, то это уже не любовь, а оправдание своего безлюбия» [5, с. 56].

Экзистенциальная тревога — спутник свободы. У экзистенциальной тревоги нет объекта. П. Тиллих выражает это при помощи парадокса: «объект тревоги представляет собой отрицание любого объекта» [3, гл. II]. Если нет объекта, то и не с кем бороться, а также нет возможности помочь. Человек, охваченный экзистенциальной тревогой, лишен всякой опоры и поддержки. Они дезориентирован внутренне, он также дезориентирует других. Это «помутнение»,

«помешательство», отсутствие привычного ориентира в жизни, отсутствии «интенциональности» (т. е. связи с осмысленными содержаниями знания или воли). В моей экзистенциальной тревоге нет объекта, на котором я бы мог сосредоточиться, чтобы мобилизовать свои силы. Жалким подобием «объекта» в этом состоянии является смутное ноющее ощущение «опасности», «угрозы», того, что «что-то в моей жизни не так». А что не так? Ничего. Вот именно — ничего, ничто. В этом суть экзистенциальной тревоги. Я тревожусь по поводу неизвестности, но неизвестности особого рода, поскольку в мире много неизвестного, что воспринимается с радостью и энтузиазмом, наподобие припевки «ужасно интересно, все то, что неизвестно». Однако иногда, когда накатывает экзистенциальная тревога, от этой припевки остается только «ужасно...» Неизвестное особого рода по самой своей природе не может стать известным, ведь это — небытие.

«Вопрос: Хотя мне кажется, что души у меня нет, но иногда она все-таки побаливает. Почему? (мальчик, 8 лет)

Ответ: Это и есть самый верный способ ощутить свою душу: когда она болит» [5, с. 96].

«Вопрос: Есть ли такая вещь, как судьба? (девочка, 15 лет)

Ответ: Есть, но ты об этом узнаешь не раньше, чем попробуешь ее изменить. Например, ты живешь в своей стране и всем доволен. А потом решаешь уехать, но никак не получается. То работа не пускает, то незнание языка, то родители или любимый человек, то страх перед заграницей. И тогда ты понимаешь, что эта страна для тебя не просто место проживания, а судьба. Судьба — то, что пытаешься изменить, но не можешь. Это необходимость, которая познается стремлением к свободе» [5, с. 62].

Экзистенциальная тревога, обретая объект, может превратиться в страх. Страх, по меткому замечанию С. Кьеркегора, — это «симпатическая антипатия и антипатическая симпатия» [1, с. 60]. Такой страх для детства (невинности) не воспринимается как вина, даже если взрослые стыдят тебя за проявление страха: «Этот мальчик просто трус, это очень плохо!» (В. Маяковский). Кроме того, этот страх не ложится на сердце своей утомительной тревожной тяжестью, ожиданием страдания, что тоже больше свойственно взрослым: «думай о плохом», «готовься к худшему», «жизнь не подарок», «слава Богу, обошлось, а могло быть и хуже» и т. д. Страх Буратино — это жадное стремление «везде совать свой нос», «влипать» в разные истории, пускаться в приключения и авантюры, стремиться разгадать «страшную тайну». Буратино не бежит от своего страха, он совсем не хочет его лишиться, наоборот, чем страшнее, тем интереснее. Страх опутывает ребенка своей сладкой привлекательностью.

«Вопрос: Ты можешь со мной побояться? (мальчик, 5 лет)

Ответ: Да. Когда двое боятся вместе, им уже почти не страшно» [5, с. 121].

«Вопрос: Ты боишься ошибиться? (девочка, 7 лет)

Ответ: Боюсь. Но есть ошибки маленькие, когда ты чего-то не знаешь, и большие, когда ты знаешь, как правильно, но ведешь себя неправильно. Большие ошибки труднее исправить, потому что недостаточно узнать что-то от других — нужно изменить себя самого» [5, с. 79 — 80].

Поскольку истина в своей сущности есть свобода, то человек может поддаться обманчивой иллюзии «погони за единорогами», которая обернется горьким разочарованием «упущенной» истины. Даже если единорог пойман, он не живет в неволе, он не делается ручным, он погибает. Так и с экзистенциальной истиной: если она не осуществлена, не присутствует, остается только видимость присутствия, кажимость, «новое платье короля» в сказке Г.-Х. Андерсена, что всегда разоблачает наивный возглас ребенка: «А король-то голый!»

«Вопрос: День — это много или мало времени? (мальчик, 5 лет)

Ответ: День — это много времени для того, кто делает что-то нужное, и мало времени для того, кто не делает ничего. Но ощущается это наоборот: для занятого человека день пролетает быстро, а для бездельника тянется медленно: он сам себя наказывает скукой» [5, с. 31].

Открытость сущего — это качество, которое дается целиком и сразу. Его нельзя свести к количественной сумме уже известных сущих. Там где много неизвестного и неясного, где леса и болота и не видно «просвета», там как раз гораздо больше шансов найти что-то уникальное, значимое, набрести на «земляничную поляну» бытия, усыпанную неожиданными и щедрыми дарами. Там же, где очевидность сущего предстает в виде знакомого и стандартного ландшафта «парка культуры и отдыха», где все привычно и общедоступно, там она мельчает до банальности. Как правило, все банальные «истины» «голые короли»-взрослые вещают

ребенку с очень серьезным выражением лица.

Миром взрослого правит «дух серьезности». Заставить нас отказаться от *духа серьезности* — в этом, по словам Ж.-П. Сартра, состоит главная цель «экзистенциального психоанализа» [2, с. 172]. Дух серьезности берет культурные ценности с подручных «полок» гипермаркета цивилизации и с натренированной ловкостью компонует из них «потребительские корзины» для удовлетворения тех или иных культурных потребностей. Все предельно объективировано и механизировано, все поставлено на поток. Человеческая субъективность, выраженная в желаниях (явных и неявных), в данных культурных гипермаркетах просто переносится на свойства «желаемого» объекта или сумму этих свойств. «Мальчик, ты что хочешь: машинку или ракету? Мальчик: Я хочу мечту... Мальчик, тебе кого хочется: ковбоя или робота? Мальчик: Я хочу друга...» Для духа серьезности, например, детям нужно ходить в школу, а взрослым на работу, потому что первым нужны знания, а вторым — деньги. Однако истинные желания человека (как ребенка, так и взрослого) влекут его в другом направлении. Результатом духа серьезности, который правит миром, оказывается то, что он ставит впереди желания средство для его достижения и именно это средство выдает за желаемое. Таким образом, через воспитательные практики в область морали вкрадывается «самообман». Такая лживая мораль даже немного стыдится самой себя; носить ей имя морали, как и носить «новое платье» королю, помогают только «наглость и хамство» — единственное спасение от экзистенциальной тревоги.

«Вопрос: О чем надо больше беспокоиться: сделать вещи правильно или сделать правильные вещи? (мальчик, 15 лет)

Ответ: Правильные вещи должны быть сделаны правильно — или никак. Если делать неправильно правильные вещи или делать правильно неправильные вещи, то это хуже, чем не делать ничего» [5, с. 73].

Вопрос: Есть ли совершенные люди в мире? (девочка, 15 лет)

Ответ: Совершенных нет, но есть те, кто искренне стремится к совершенству и страдает от своего несовершенства. Совершенный был бы неживым, остановился бы в своем развитии. А тот, кто требует от людей совершенства, — либо наивный идеалист, либо жестокий диктатор (порой это одно и то же) [5, с. 153].

Человек отыскивает бытие вслепую, не видя связи между этим поиском и тем свободным проектом, которым является он сам. Экзистенциальный психоанализ, по Ж.-П. Сартру, раскрывает человеку действительную цель его поиска, которым является бытие как синтетический сплав двух его модусов «в-себе» и «для-себя». Этот экзистенциальный психоанализ практиковали многие, используя его как средство своего освобождения и спасения, но лишь немногие поняли, что целью их поиска было открытие самого бытия.

«Вопрос: Давай договоримся, Господи: я верю в тебя, ты — в меня (девочка, 8 лет)

Ответ: Уже договорились. Тысячи лет назад. Сначала появился Ветхий Завет, потом Новый. Но все равно — для каждого существа нужен еще один, Личный Завет» [5, с. 57].

Сущность истины есть истина сущности (М. Хайдеггер). В этой загадочной фразе заключен главный смысл философской практики «экзистенциального психоанализа». Самая великая мудрость, которая может открыться человеку и в отношении этого не будет никого мудрее его, — мудрость самопознания.

«Вопрос: Почему я родился в это время? (мальчик, 9 лет)

Ответ: Мы нужны именно в то время, когда рождаемся. Но чтобы понять, почему именно в это время, нужно сначала прожить это время до конца — тогда станет ясно, почему» [5, с. 30].

С детских вопросов начинается «феноменология духа» каждого человека на пути к мудрости самопознания. Хочется пожелать, чтобы наша взрослость помогала нам находить достойный философский ответ на каждый детский вопрос.

---

1. Кьеркегор С. Понятие страха / пер. Н. В. Исаевой, С. А. Исаева. М. : Академ. проект, 2014. 224 с.

2. Сартр Ж.-П. Бытие и Ничто. Заключение / пер. Т. М. Тузовой // Путь в философию : антология. М. : ПЕР СЭ ; СПб. : Унив. кн., 2001. С. 162—173.

3. Тиллих П. Мужество быть / пер. Т. И. Вевюрко // Избранное. М. : Юрист, 1995. С. 7—131.

4. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. В. В. Бибихина. М. : Ad Marginem, 1997. 452 с.

5. Эпштейн М. Н. Детские вопросы: диалоги. М. : ArsisBooks, 2020. 176 с.

6. Ясперс К. Введение в философию / пер. В. И. Кононова // Путь в философию : антология. М. : ПЕР СЭ ; СПб. : Унив. кн., 2001. С. 224—235.

References

1. K'erkegor S. (2014) Ponjatie straha. Moscow, Akademicheskij proekt, 224 p. [in Rus].
2. Sartr Zh.-P. (2001) Bytie i Nichto. Zakljuchenie // Put' v filosofiju. Moscow, PER SJe, St. Petersburg, Universitetskaja kniga, pp. 162—173 [in Rus].
3. Tillih P. (1995) Muzhestvo byt' // Izbrannoe. Moscow, Hurist, pp. 7—131 [in Rus].
4. Hajdegger M. (1997) Bytie i vremja. Moscow, Ad Marginem, 452 p. [in Rus].
5. Epshtejn M.N. (2020) Detskie voprosy: dialogi. Moscow, ArsisBooks, 176 p. [in Rus].
6. Yaspers K. (2001) Vvedenie v filosofiju // Put' v filosofiju. Moscow, PER SJe, St. Petersburg, Universitetskaja kniga, pp. 224—235 [in Rus].

For citing: Borisov S.V. "Children's questions" and "adult answers": existential psychoanalysis (reflection on the book: Epstein M.N. Children's questions: dialogues. Moscow, ArsisBooks Publishing House, 2020. 176 p.) // Socium i vlast'. 2020. № (83). P. 85—90. DOI: 10.22394/1996-0522-2020-3-85-90.

DOI: 10.22394/1996-0522-2020-3-85-90

UDC 1(091) + 101.1 + 101.9

"CHILDREN'S QUESTIONS" AND "ADULT ANSWERS": EXISTENTIAL PSYCHOANALYSIS (reflection on the book: Epstein M.N. Children's questions: dialogues. Moscow, ArsisBooks Publishing House, 2020. 176 p.)

Sergey V. Borisov,
South Ural State Humanitarian Pedagogical University,
South Ural State University (National Research University),
Doctor of Philosophy, Professor.
The Russian Federation, 454080, Chelyabinsk, prospect Lenina, 69.
E-mail: borisovsv69@mail.ru

Abstract
The article is a philosophical reflection of the author, caused by M.N. Epstein's book "Children's Questions: Dialogues" (Moscow, 2020). The book presents more than 300 children's questions, covering the most diverse facets of being: from the universe as a whole to psychological, moral, social, aesthetic problems. The idea of the book is to engage children and adults in a general conversation about the most important phenomena of the universe. The author of the article weaves the material of the book into the outline of existential comprehension of truth.

Key concepts:
philosophy,
philosophizing,
existentialism,
communication,
understanding,
dialogue.